

на горите, мечь и плеть, фигурирующие на этих изваяниях, признаны прославлять силу и власть басилевса.

К позднескифской поре (IV—III вв. до н. э.) относятся два изваяния, найденные на западном и северо-западном побережье Крыма, у городища Чайка и у Прекрасной Гавани. В этих изваяниях уже сказывается греческое влияние.

П. Н. Шульц связывает скифские изваяния Крыма с курганами скифской кочевой знати и высказывает предположение, что находки этих изваяний без голов, со старыми обломами могут быть объяснены суеверным страхом иноплеменников. Как памятники надгробные, связанные с культом предков и почитанием умерших вождей, эти изваяния, по мысли П. Н. Шульца, не были статуями божеств. Тем самым подтверждается свидетельство Геродота о том, что у скифов не было принято делать статуи богов.

«АВТОНЕКРОЛОГ» СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЖЕБЕЛЕВА

В составе рукописного наследства Сергея Александровича Жебелева, хранящегося в Архиве Академии наук СССР, находится одна рукопись (Архив АН СССР, БАН, дело № 729, порядк. № 47) с не совсем обычным заглавием — «Автонекролог». В верхнем правом углу дата — 21 сентября 1932 г. Сергей Александрович, таким образом, написал свой собственный некролог за два дня до юбилейной даты: 23 сентября того же года ему исполнилось 65 лет и 50 лет с начала его трудовой деятельности, которую он сам исчислял, как сказано в этом документе, «с того времени, когда..., будучи гимназистом V класса, начал давать частные уроки».

Заглавие рукописи не должно вводить в заблуждение: оно вовсе не означает, что автор этого некролога проникся намерением попрощаться с жизнью и всей своей прошлой деятельностью. Все, кому довелось лично знать Сергея Александровича и с ним общаться, хорошо знают, что такого рода сентиментальные устремления были совсем не в его характере. Цель тут была иная. Она раскрывается автором на первой же странице «некролога». Именуя себя, как и всюду в этой рукописи дальше, в третьем лице, Сергей Александрович следующим образом определяет собственное отношение ко всей своей предшествующей деятельности: «автор не собирается прекращать ее (т. е. деятельность. — Д. К.), поскольку не считает еще себя инвалидом труда». Тут, может быть, не лишним будет напомнить, что в 1932 г. и в последующие годы Сергей Александрович был в самом расцвете своих творческих сил. Именно тогда, опираясь на накопленный в течение всей своей предшествующей ученой деятельности огромный исследовательский опыт, прокладывал он новые пути в изучении Северного Причерноморья античной эпохи, по которым в сущности и по сей день следуют все занимающиеся этой тематикой.

Отдавая себе полный отчет в своих творческих возможностях и, несомненно, располагая и совершенно конкретными замыслами, Сергей Александрович, однако, был «убежден, что в направлении его деятельности в дальнейшем существенных перемен не произойдет, что будущее будет продолжением прошлого». Поэтому и приступил он к «составлению давно задуманного «автонекролога», который, по мысли автора, должен подвести итог всей его деятельности». Юбилейная дата в данном случае, как сам он пишет, явилась лишь «поводом» к осуществлению этого давнего его намерения, ибо Сергей Александрович считал, что «он не только вправе, но и обязан отчитаться в своем прошлом; отчитаться, прежде всего, перед самим собою, а затем и перед общественной средой, в которой протекала его деятельность». Таким образом, по замыслу Сергея Александровича его отчет не должен был представлять собою чего-то сугубо личного или интимного. Отсюда следует, что частичное или даже полное обнародование этой рукописи ни с какой стороны не является предосудительным по отношению к ее автору.

Что касается формы отчета, то и сам Сергей Александрович признавал ее «несколько необычной» и считал нужным в оправдание этой формы выдвинуть следующие доводы: «...Если разрешается составлять автобиографии, писать даже авторецензии на свои книги, то что могло служить препятствием составить свой автонекролог? Ведь пишет же человек в предвидении своей смерти духовное завещание, т. е. делает распоряжение насчет своего будущего».

В том, что Сергей Александрович избрал именно эту, а не какую-либо иную форму для своего отчета, безусловно, сыграло роль и то обстоятельство, что для него она была привычной. Некрологи занимают видное место в списке его ученых трудов. Отдавая дань должного ушедшим из жизни ученым—своим современникам, он пишет их некрологи начиная с 1900 г. Перед глазами проходят чередой один за другим виднейшие представители науки того времени, многие из которых оставили после себя заметный след в нашей отечественной историографии: А. Н. Жукарев, Д. Ф. Беляев, В. К. Ернштедт, И. В. Помяловский—учитель Сергея Александровича, памяти которого он посвятил в 1941 г. уже во время блокады Ленинграда последний в своей жизни доклад, Ф. Ф. Соколов, В. К. Редин, И. В. Цветаев, А. В. Прахов, П. В. Никитин, В. В. Латышев, Я. И. Смирнов, Б. В. Фармаковский, И. В. Нетушил, Ф. И. Успенский, Б. П. Бузескул и многие другие. В сочетании с многочисленными рецензиями и библиографическими заметками Сергея Александровича некрологи всех этих деятелей нашей науки представляют собой поистине неоценимый и, к сожалению, почти еще не использованный источник для истории русской классической филологии, истории и археологии, потому что в каждом из посвященных памяти этих ученых некрологов автор их использовал не только свои превосходные знания предмета и эрудицию, но и материал, почерпнутый из личного и часто многолетнего тесного общения с теми, кого ему потом пришлось проводить в последний путь.

Собственный «некролог» Сергея Александровича, однако, отличается от всех предшествующих одной своей особенностью: в нем по понятным причинам отсутствуют какие бы то ни было оценки ученой деятельности и творчества С. А. Жебелева—«отчет в форме автонекролога носит исключительно формально-фактический характер и говорит исключительно о деятельности автора и о тех принципах, на каких она протекала». Желая уяснить себе и качественную сторону этой деятельности, отсылаются, так сказать, к литературе вопроса: отзываю В. П. Бузескула, Н. Б. Беляева, И. И. Толстого. Равным образом автор «некролога» «не касается подробностей, носящих индивидуальный характер, поскольку они могли бы представлять интерес лишь для узкого круга лиц, более или менее хорошо знающих автора. Для них автор напишет, если позволит время и будет настроение, несколько „приложений” к автонекрологу». Эти «приложения», к сожалению, так и не были написаны.

Только после всех этих оговорок, касающихся и формы и содержания «некролога», автор приступает к основному изложению. Оно строго систематизировано. Именно так писал Сергей Александрович все свои научные работы. Хотя в тексте и нет особых подзаголовков, но они ясно чувствуются в содержании отдельных абзацев; они следуют друг за другом в определенной, продуманной автором последовательности и каждый из них вполне закончен в логическом отношении.

Начинается изложение с одного общего вопроса, который может быть сформулирован так: кем собственно является автор этого произведения, облеченного в форму собственного некролога? В трактовке «некролога» вопрос этот оказывается не таким уж ясным и простым. «Главным своим призванием,— читаем мы в рукописи,— Жебелев считал свою ученую деятельность. Подготовку к ней он получил исключительно на историко-филологическом факультете СПб. университета, куда он поступил в 1886 г., по окончании курса 2-й классической гимназии... По окончании университетского курса Жебелев был оставлен при университете по кафедре классической филологии, причем стипендий, как в бытность свою студентом, так и в бытность свою оставленным, не пользовался. Равным образом не мог Жебелев воспользоваться и заграничной командировкой, так как почти сразу же по окончании университета поступил на службу для добывания средств жизни для себя и для семьи, состоявшей из матери и млад-

ших своих сестры и брата. О том, что Жебелев не „штудировал“ в заграничных университетах, он никогда особого сожаления не испытывал, так как считал пройденную им в СПб. университете „школу“ вполне достаточной и хорошей. Но о том, что ему не удалось в начале своей деятельности на ученом поприще провести, подобно большинству его сотоварищей по специальности, два-три года в классических странах, Греции и Италии, он сожалел постоянно и видел в этом большой минус в своей научной подготовке. Последующие пребывания в Греции и Италии и вообще за границей, продолжавшиеся в общей сложности год с небольшим, многому Жебелева научили, но это было бы не то, если бы ему пришлось на заре его ученой деятельности позаниматься в чужих краях, не отвлекаясь ничем другим, длительный срок. В общем нужно сказать, что Жебелев „доморощенный ученый“, подготовка которого обошлась казне всего в 1500 рублей, полученных им от университета на заграничные поездки в 1896, 1900, 1905 гг. (остальные поездки за границу Жебелевым были совершены на свой счет)».

Результаты всей этой подготовки и последующих научных занятий «Жебелева» определяются в «некрологе» не самим его автором, а словами В. П. Бузескула, нижеследующую цитату из книги которого он приводит: «В лице Жебелева мы видим сочетание филолога-классика, эпиграфиста, археолога и историка»¹.

Автор «некролога» соглашается принять это определение научного профиля Жебелева только с очень большими оговорками, чуть ли не граничащими с возражениями В. П. Бузескулу. Вот что он по этому поводу пишет в «некрологе»: «Историком Жебелев является постольку, поскольку некоторые из его работ, правда, самые большие по размеру, написаны на исторические сюжеты. Но 1) эти работы касаются только истории Греции, отчасти истории Рима; 2) они посвящены рассмотрению проблем, связанных почти исключительно с так называемой внешней политической историей; 3) они почти исключительно аналитического, а не синтетического характера». В конечном счете: «Если Жебелев и может быть квалифицирован как историк, то его работа в этом направлении скорее историко-филологического, чем строго исторического характера».

Однако из дальнейшего изложения следует, что «Жебелев» не может быть безоговорочно назван и филологом, потому что «изучение таких ветвей классической филологии, как историческая грамматика, метрика, палеография и пр., не входило в круг научных интересов Жебелева». И хотя «он стоял на той точке зрения, что без основательного знания обоих древних языков изучение античного мира — покушение с негодными средствами, но специального уклона в сторону изучения их, как таковых, у него никогда не было, да и не должно было быть, так как кто желает изучать древние языки с формальной точки зрения, тот должен быть лингвистом, а лингвистической подготовки у Жебелева не было, и в лингвистической сфере, если ему приходилось заботиться в нее, он не чувствовал себя хозяином».

Не может «Жебелев» назвать себя безоговорочно и эпиграфистом, потому что «эпиграфистом может считаться тот, кто имеет постоянное общение с самими „камнями“, с их эстампажами, кто публикует впервые надписи, кто предлагает к ним восстановления. Такими заправскими эпиграфистами были у нас В. В. Латышев, А. В. Никитский. Жебелев ни одной надписи не опубликовал впервые. Правда, он немало предложил восстановлений к ним, еще больше он занимался их толкованием, вообще привлекая их и не как подсобный, а как руководящий материал в своих работах. Лишь с таким ограничением Жебелев мог бы считать себя эпиграфистом и то лишь в области греческой эпиграфики».

Для читателя этой рукописи не будет теперь неожиданным и то, что автор ее отказывается признать «Жебелева» и археологом, потому что тот «далеко не достаточно, чтобы считать себя археологом, занимался вещественными памятниками как таковыми... Он привлекал, где это нужно было, археологический материал, он читал археологические курсы, он опубликовал даже „Введение в археологию“, но все это результат скорее „книжных“ занятий, чем изучения вещественных памятников в их натуре. А последнее для археолога — прежде всего».

¹ В. П. Бузескул, Всеобщая история в России в XIX и начале XX века, ч. II, М., 1931, стр. 147.

Итак, С. А. Жебелев, вступив в своего рода спор о «Жебелеве» с В. П. Бузескулом, которого он, кстати сказать, считал непревзойденным авторитетом в историографической области, не то что полностью опровергает выдвинутое последним определение научного профиля «Жебелева», но, во всяком случае, вносит в него весьма существенные коррективы. Этот необычайный «спор» раскрывает, пожалуй, одну из самых характерных особенностей Сергея Александровича Жебелева и как ученого и как человека — его глубокую, прямо скажем, совершенно исключительную научную принципиальность. За многие годы ученой деятельности сложились у него очень ясные и отчетливые представления, чем должна быть каждая из научных дисциплин, соприкасающаяся с его специальностью, которую он понимал очень широко, и какими качествами должны обладать ученые, представляющие эти научные дисциплины.

Именно не сущее, а должное стоит на первом плане в этих представлениях. Всецело руководствуясь этим должным, используя его в качестве основного критерия во всех своих оценочных суждениях, Сергей Александрович потом уже не допускал никаких скидок и отступлений ни по отношению к самому себе, ни по отношению (как это мы знаем и из его рецензий и его устных высказываний) ко всем другим. Историк — это только тот, кто всесторонне и синтетически подходит к своему материалу и задачам исследования, филолог — это и литературовед и лингвист одновременно, между эпиграфистом и археологом и теми памятниками, какие они изучают, не должно стоять никаких посредников. Если «Жебелев» не отвечает всем этим требованиям, то он не тот, кем его считает В. П. Бузескул.

Кто же все-таки «Жебелев» с точки зрения автора «некролога»? На этот вопрос в автореферате дается исчерпывающе ясный и точный ответ. О главном в научных занятиях «Жебелева» в нем сказано следующее: «Если уж быть абсолютно точным, предметом его изучения была античная история и так называемые древности, преимущественно греческие древности и греческая история. Для изучения их Жебелев старался привлечь всю античную традицию, т.е. источники литературные, документальные, вещественные, причем главную свою задачу усматривал в критическом анализе этой традиции, восстановлении на основании ее разбора фактов и только фактов. Он не только не смутился, но был бы очень польщен, если бы к нему применили кличку „фактопклонник“. Ибо, по его мнению, в установлении фактов заложены как фундамент, так и цель и назначение научного знания: узнать истину, или, по крайней мере, подойти, приблизиться к ее познанию». Поясняя, что следует понимать под строго научным подходом к исследованию, автор некролога ссылается на Моммзена и приводит следующее его высказывание: «Безоговорочно глубокое исследование истины, не останавливающееся ни перед каким трудом, ни в малом, ни в большом, не скрывающее ничего сомнительного, не замалчивающее лакуны ни в предании, ни в собственном знании, всегда во всем дающее отчет себе и другим».

Эти слова Моммзена, полностью совпадавшие с собственными принципами Сергея Александровича, ставшие для него своего рода девизом во всех его исследовательских работах, он дополняет и конкретизирует следующим образом: «Та традиция, которая дошла об античном мире, страдает большими лакунами, полную неравномерность, нарочитую, в некоторых случаях, не критичность. Это обязывает, с одной стороны, дорожить буквально каждой строчкой предания, вчитываться и вдумываться в него, но вместе с тем постоянно относиться к нему с трезвой критикой и лишь после тщательной проведенной аналитической работы устанавливать факты с тем, чтобы затем освещать их; из фактов должно создавать это освещение, а не из каких-либо теоретических предпосылок, аналогий и тому подобных вспомогательных средств исследования. С другой стороны, отмеченные свойства античной традиции, при всяких попытках исследователя к воссозданию более или менее ясной картины далекого прошлого, неизбежно наталкивают его на путь гипотезы. И это не беда, даже в глазах фактопклонника. Нужно только уметь твердо различать область положительного от области предположительного... От ошибок и заблуждений в научной работе никто не застрахован. Узнер даже любил говаривать: „нужно иметь мужество ошибаться“. Но раз ошибка указана другим или замечена самим исследователем, последний должен в ней открыто при-

знаться. И этого Жебелев не боялся: он, например, открыто признал печатно, когда к тому представился случай, ошибочность данного им построения событий первого года Второй Македонской войны. Вот те основные принципы, каким старался следовать Жебелев в своей научной работе. В какой мере удалось ему осуществить их на практике, он сам судить отказывался, предоставляя это другим.

Эти «другие» уже давно, единодушно и с достаточной определенностью высказали свое суждение о научном творчестве С. А. Жебелева. В памятную для всех учеников Сергея Александровича дату 50-летнего юбилея его научно-исследовательской и общественно-педагогической деятельности И. И. Толстой, выражая прочно утвердившееся и всеми разделяемое мнение о юбиляре, писал: «Точность исторического анализа, основывающегося на фактах, устанавливаемых документально: такова основная характеристика исследовательских работ С. А. Жебелева... С молодых лет выработал Сергей Александрович в себе эти строгие научные навыки и в дальнейшем он их лишь совершенствовал. У Сергея Александровича нет в этом отношении никаких штатаний, никаких отклонений в сторону: путь его ученой биографии являет картину прямой и ровной дороги, ведущей к вечно светящейся далеко впереди каждый раз новой научной истине» (ВДИ, 1940, № 1, стр. 163).

Уже больше четверти века прошло с тех пор, когда И. И. Толстой писал эти строки. И теперь с полными на то основаниями можно сказать, что научное наследство С. А. Жебелева выдержало испытание времени и научный авторитет его стоит по-прежнему неукоснительно высоко. Редко в какой из выходящих в настоящее время работ по весьма обширному кругу вопросов, которыми он в свое время занимался, не встретишь на него ссылок.

Из автонекролога мы узнаем, что упоминаемые И. И. Толстым «строгие научные навыки», обеспечившие трудам Сергея Александровича долголетие, с годами и накопленным исследовательского опыта вылились в целую систему принципиальных установок, охватывающих все стороны творческого процесса, начиная с точного определения его целей и главных принципов и кончая тем, как надо исправлять неизбежные во всякой деятельности ошибки.

Не считая себя безоговорочно историком, филологом, эпиграфистом и археологом в своем строгом понимании этих научных профессий, Сергей Александрович, однако, располагал огромными знаниями и владел приемами исследования каждой из этих дисциплин. Именно на такой широкой основе сложились его комбинированные приемы исследования, которыми он владел как никто другой. Тонкий исторический и филологический анализ античных литературных источников постоянно сочетался у него с использованием эпиграфических текстов и археологического и нумизматического материала.

Какие из этих источников брали у него перевес над остальными? Это всецело зависело от конкретных особенностей объекта его исследования. Использование комбинированных приемов исследования в целом ряде случаев позволило Сергею Александровичу заметить то, что проходило мимо внимания многих его предшественников, и добиваться эффективных научных результатов там, где другие терпели фиаско. В. П. Бузескул был совершенно прав, когда писал о наклонности С. А. Жебелева к «исследованию темных, еще не разработанных вопросов»². Сергей Александрович не боялся трудностей исследования. При этом он причислял себя к фактопоклонникам вовсе не потому, что избегал всяких исторических обобщений. Отнюдь нет: всякий знакомый с его работами хорошо знает, что исторических обобщений он вовсе не чуждался. В свое преклонение перед фактами он вкладывал совершенно иной смысл: только такие выводы и обобщения имеют право на существование в научном построении, какие находят себе прямую опору в строго проверенных и твердо устанавливаемых данных. Все иное относится уже не к области «положительного», а к области «предположительного» и, следовательно, так и должно расцениваться. Научная честность требует, чтобы между этими двумя областями была проведена четкая грань, в тех же случаях,

² В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Пг, 1915, стр. 540.

когда тот или иной вопрос вообще не поддается выяснению, в этом нужно откровенно сознаваться. Всего этого Сергей Александрович требовал и от своих учеников.

Кстати сказать, среди его учеников встречаются и историки, и филологи, и археологи. Здесь произошла своего рода дифференциация. То, что было слито воедино в учителе и находило выражение в его комплексных приемах исследования, потом подверглось разделению. Не располагая такой подготовкой, такой эрудицией и таким огромным исследовательским опытом, как их учитель, каждый из них избрал для себя менее широкие исследовательские пути. Но и на этих более узких путях всех учеников Сергея Александровича, прошедших его школу, в большей или меньшей степени объединяют однородные приемы аргументации и те общие принципы научного исследования, какие были преподаны им их учителем.

Наиболее полное, ясное и точное выражение эти принципы нашли именно в автобиографическом отчете С. А. Жебелева. Этот документ может в то же время служить ярким примером того, как «фактопослуживатель Жебелев» сумел обобщить отдельные факты — факты своей собственной ученой биографии. Первоначально единичные свои наблюдения и опыт он возводит к неким общим правилам и принципам с тем, чтобы потом неуклонно руководствоваться ими во всех сферах своей многогранной деятельности.

Именно характеристики этих сфер деятельности и отношения «Жебелева» к каждой из них и составляют основное содержание автобиографического документа. В нем довольно подробно, как и полагается в отчете, перечисляется все самое главное, что удалось ему сделать; и в области научных исследований, и в области переводов и редакционной работы, и работы популяризаторской. При этом уделяется внимание не только содержанию всех этих работ, но и форме, в которую они были облечены. Вот что сказано в автобиографическом отчете по этому поводу: «Внешнюю форму своих работ Жебелев не оставлял без внимания, полагая, что ученая работа составляется не для автора, а для читателя; она должна быть изложена удобочитаемо, по возможности с опущением всего прямо не идущего к делу: нужно уметь беречь время читателя. Поэтому все свои работы, при окончательной их отделке, подвергался Жебелевым обыкновенно не распространению, как иной раз это бывает, а возможному сокращению... От свойственной более ранним работам Жебелева скверной привычки уснащать основной текст обилием примечаний — в большинстве случаев внешняя и дешевая ученость... — он старался всячески освободиться в своих работах, более поздних».

Останавливается Сергей Александрович — и довольно подробно — на своей педагогической деятельности, которая сыграла в его жизни весьма значительную роль. «Жебелеву пришлось, — сказано в автобиографическом отчете, — пропустить через свою аудиторию немалое число студентов, еще большее число их пришлось экзаменовать, причем в глазах студентов он пользовался репутацией экзаменатора строгого. В общем, чем в глазах студентов он пользовался репутацией экзаменатора строгого. В общем, однако, никаких недоразумений у Жебелева со слушателями не было никогда, хотя он и был к ним требователен и так называемой популярности у них не искал. Хорошо ли он учил, или плохо, могли бы сказать только его слушатели. Среди последних нашлись и такие, которые пожелали пойти по ученой дороге. Некоторые из них теперь уже вполне созревшие ученые, заявившие себя печатными трудами. Некоторые подвизались на преподавательском поприще в СПб. университете...».

Свой взгляд на дело университетского преподавания Жебелев формулирует так: «оно заключается не в том, чтобы научить слушателей науке, а в том, чтобы „ввести“ их в изучение той или иной науки; последняя должна быть изучаема индивидуально каждым из них; роль профессора сводится, в конце концов, лишь к руководству их занятиями и облегчению последних. Указывал Жебелев слушателям также и на то, что при занятиях всякой наукой, в особенности исторической, нельзя ограничиваться только чтением ученой литературы, но необходимо изучать при этом и те источники, которые служат главным фундаментом при всякого рода исторических построениях».

О своей научно-организационной работе Сергей Александрович пишет так: «Административная деятельность никогда не привлекала Жебелева, и он ее не искал, но и не считал возможным уклоняться, когда его к ней привлекали. В университете он прошел по избранию все административные должности, полагающиеся для профессо-

ра... В административной деятельности Жебелев считался „формалистом“, если понимать под формализмом неуклонное следование законным нормам, а не решение дел „по душе“ с обращением взора на „лицо человеческое“.

Нашли в автонекрологе отражение и некогда тяжелые для его автора переживания. С горечью, например, пишет он о своих взаимоотношениях с университетом: «По защите докторской диссертации Жебелев был назначен экстраординарным профессором, а в 1913 году был избран ординарным профессором по кафедре классической филологии... Жебелев числился профессором, пока осенью 1917 года ему не предложили было перейти в приват-доценты, на что Жебелев не согласился и расстался с университетом, проведя в нем, если считать время студенчества, 41 год, из которых 37 лет Жебелев на разных постах и разных званиях служил университету. За эту службу Жебелев в дореволюционное время никакими высокими чинами и орденами награжден не был, а по окончании же службы никакой пенсии не получил. И единственной наградой Жебелева по университету был перевод его из попов в дьячки».

Были у Сергея Александровича в середине 20-х и начале 30-х годов и другие серьезные и неприятные осложнения, вызванные совершенно беспочвенными, как это теперь мы хорошо знаем, покушениями опорочить его безукоризненную научную репутацию. На эти необоснованные и совершенно им не заслуженные нападки «Жебелев» ответил следующим образом: «...В его 40-летней деятельности было, конечно, немало всякого рода отрицательных сторон, но были, по его мнению, два положительных качества: первое — то, что Жебелев неуклонно и непреклонно трудился; второе — то, что он никогда не претендовал на какие-либо для себя льготы и привилегии и ими не пользовался раньше, не желает пользоваться и теперь». Этими словами заканчивается автонекролог Сергея Александровича Жебелева.

Д. П. Калинин

С. А. Жебелев

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ

(1886—1890 гг.)*

I

Пребывание мое в университете совпадает с тем временем, когда только что был введен в действие устав 1884 г. Странная судьба этого устава. В том виде, в каком он был задуман и проведен в жизнь, он просуществовал всего-навсего два года. Уже на третий год действия устава в него были внесены изменения — правда, мелкие и несущественные. Затем эти изменения продолжались и стали получать более значительный характер. Все они касались, впрочем, исключительно плана преподавания и тех или иных сторон учебного дела; в начале XX в. внесено было нечто новое в организацию студенчества (институт кураторов, совершенно не прижившийся). Самая сущность устава, его, так сказать, дух продолжал оставаться неизменным вплоть до 27 августа 1905 г., когда под напором внешних и внутренних «стихий», охвативших тогда всю Россию, университетам была дарована так называемая автономия, коснувшаяся опять-таки не самого строя университетской жизни, а лишь администрации и ученого персонала. Насчет характера этой реформы и цели, ею преследуемой, тогдашний министр народного просвещения, покойный генерал В. Г. Глазов, недурно заметил бывшему тогда попечителем Одесского учебного округа А. Н. Деревницкому: «Мы, вот, поажем профессорам автономией, они и успокоятся».

Но ни о «духе» устава 1884 г., ни об «истории» его возникновения и постепенных стадиях его развития я говорить не собираюсь. Моя задача более скромная и опреде-

* Перепечатывается из журнала «Анналы», II, 1922, стр. 168—187

ленная: поделиться воспоминаниями и общими впечатлениями о том, чему и как учили профессора и как учились студенты на историко-филологическом факультете Петербургского университета в 1886—1890 гг. (годы моего студенчества).

II

Из всех университетских факультетов факультеты историко-филологические были затронуты уставом 1884 г. наиболее чувствительно. Строго говоря, эти факультеты, как таковые, были тогда упразднены, и сохранено было только одно их прежнее наименование. В самой организации историко-филологического факультета, как она представлялась составителям устава 1884 г., несомненно, можно усмотреть сознательную и обдуманную планомерность, — правда, довольно злохитростного свойства. Казалось, из историко-филологических факультетов хотели создать своего рода оранжереи, где должна была культивироваться не вся историко-филологическая наука, а должна была расцветать и процветать лишь одна из дисциплин ее. Дисциплиной этой должна была стать классическая филология, понимаемая, опять-таки, не строго научно, а под определенным углом зрения. Построены были эти «оранжереи» очевидно, по мысли и плану одного из вдохновителей и строителей всего устава 1884 г. долголетнего председателя ученого комитета министерства народного просвещения А. И. Георгиевского. Не удовлетововавшись созданной им в 70-х годах прошлого века классической семинарией в Лейпциге, А. И. Георгиевский задался мыслью наладить такие же рассадники просвещения и в России и решил воспользоваться для осуществления всего этого нашими историко-филологическими факультетами. Лейпцигская филологическая семинария была, как известно, любимым детищем А. И. Георгиевского, а ее питомцы пользовались постоянно его особым благоволением. Убежденный в том, что классическая филология — альфа и омега всех гуманитарных дисциплин, что в ней залог блага и спасения России (а по мнению А. И. Георгиевского, Россия, после 1 марта 1881 г., была безусловно на краю гибели), он задумал, во-первых, взрастить возможно большее количество филологов-классиков, как самый надежный оплот отечества, а во-вторых, всех тех филологов, которые не хотели быть специалистами-классиками и которые почувствовали бы влечение к иным дисциплинам, полагающимся на историко-филологическом факультете, так начинить и придушить классической филологией, что для удовлетворения научных интересов всех будущих историков, филологов (не классиков), лингвистов и пр. не оставалось бы почти места. И если бы А. И. Георгиевский хотел создать из историко-филологических факультетов образцовую школу по той «*Altertumswissenschaft*», которая к тому времени достигла такого пышного расцвета в Германии, с его затеей еще можно было бы кое-как примириться. Но таких намерений у А. И. Георгиевского, по-видимому, не было. Он мечтал не о создании строго научной школы по изучению античного мира; нет, он имел в виду лишь обучение студентов-филологов древним языкам, желал создать из историко-филологических факультетов продолжение классических гимназий, очевидно, полагая, что в них учащиеся обучены древним языкам недостаточно полно и твердо, что к восьми гимназическим классам, для пользы «дела», следует прибавить четыре курса — а, в сущности, класса — в университете.

План прохождения курса на историко-филологическом факультете по уставу 1884 г. (в его нетронутым виде), рассчитанного на 4 года, или, по немецкой системе, у нас впрочем не привившейся, на 8 семестров, построен был совершенно схематически и только на первый взгляд мог показаться стройным. На самом деле, план этот в применении к факультетскому преподаванию даже «оранжерейного» типа был совершенно уродливый. Это был, в сущности, не план, а расписание лекций, разбитых по семестрам. Само собой разумеется, лекции, посвященные древним языкам (из приличия их называли лекциями по древним авторам), занимали большую половину так называемых обязательных часов. Для всякого студента-филолога на всех семестрах, за исключением одного 7-го, из 18 часов в неделю на древние языки было уделено 10 часов: 6 лекций на чтение авторов и 4 лекции на практические занятия по древним языкам. Из